

УДК 821.161.1–192(Дягилева Я.):785.161
ББК Ш33(2Рос=Рус)64–8,445+Щ138.5
Код ВАК 10.01.08
ГРНТИ 17.07.25

М. К. МЮЛЛЕР

Базель

**«ТОЛЬКО СКАЗОЧКА ХУЁВАЯ...»:
ПОТЕРЯ ДЕТСТВА КАК ЦЕНТРАЛЬНЫЙ МОТИВ
В ТЕКСТАХ ЯНКИ ДЯГИЛЕВОЙ**

Аннотация. Песни Янки Дягилевой отличаются своим неповторимым трагизмом, отчаянием и безнадежностью, отражающимися в каждой отдельной строке 29 песен, которые она написала за свою короткую жизнь. В данной статье мы покажем, что мотив потери детства, который играет центральную роль в её текстах, вносит существенный вклад в трагизм песенных миров, живущих в Янкиных песнях. Мы будем рассматривать прежде всего, но не исключительно, песни «Гори, гори ясно» (1988), «Продано» (1989) и «Выше ноги от земли» (1990).

Ключевые слова: рок-поэзия, русский рок, русский панк, сибирский рок, сибирский панк, детство.

Сведения об авторе: Мирьям Кристина Мюллер, аспирант кафедры русской литературы философского факультета Базельского университета.

Контакты: Slavisches Seminar der Universität Basel, Nadelberg 8, 4051 Basel, Швейцария; m.c.mueller@unibas.ch.

M. K. Muller

Basel

**«ТОЛЬКО СКАЗОЧКА ХУЁВАЯ...»:
THE LOSS OF CHILDHOOD AS A CENTRAL MOTIF
IN THE LYRICS OF YANKA DYAGILEVA**

Abstract. What stands out in Yanka's oeuvre is the hopelessness and desperation that are expressed in every single line of the 29 songs she composed over the course of her short life. The present article argues that the motif of the loss of childhood, which plays a central role in Yanka's lyrics, contributes considerably to the tragic nature of the worlds she evokes in her songs. The analysis focuses mainly, though not exclusively, on Dyagileva's songs *Гори, гори ясно* (1988), *Продано* (1989) and *Выше ноги от земли* (1990).

Key words: rock poetry, Russian rock, Russian punk, Siberian rock, Siberian punk, childhood.

About the author: Mirjam Christina Muller, PhD candidate in Russian literature at the Faculty of Philosophy at the University of Basel.

Песни Янки Дягилевой отличаются своим неповторимым трагизмом; об этом сходятся во мнениях критики Янкиного творчества. Д. Усманов, к примеру, пишет в своей «Энциклопедии для детей»: «В мир стихов Янки <...> отважится заглянуть не каждый. Каждая строчка её песен буквально кричит: “Больно!”» [11, с. 233]. Такое же мрачное описание встречаем в статье языковеда В. Багичевой, исследующей важность концепта «жизнь» в Янкиных песнях: «Творчество Янки Дягилевой <...> выделяется своим трагизмом в восприятии жизни <...>. Жить вообще страшно» [1, с. 138]. Особенно заострённо характерный для Янкиного творчества трагизм описывается в статье московского журналиста Ю. Сапрыкина, написанной в мае 2016 года для латвийской интернет-газеты «Медуза» по поводу 25-й годовщины Янкиной смерти: «У Башлачёва в интервью есть страшная фраза – дескать, жить нужно так, как будто в соседней комнате умирает твой ребёнок; Янка поёт так, как будто внутри каждую секунду умирает ребёнок, которым ты сам был когда-то» [9]. Метафору умирающего ребёнка Сапрыкин соотносит, с одной стороны, со способом, которым Янка исполняет свои песни, то есть с перформативным уровнем её произведений: в другом месте в своей статье он пишет, что характерное «ааааааа», которым часто завершаются Янкины строки, кажется «то ли стон<ом> от боли, то ли детски<м> крик<ом> от страха» [9]. С другой стороны, однако, образ умирающего ребёнка – потерянного детства – находится в Янкиных песнях и на уровне текста: на это намекает Сапрыкин в своей статье, когда он пишет, что в текстах Дягилевой часто встречаются «обрывки детских считалочек, поговорок, присказок, которые, будучи вырваны из контекста, рассказывают <...> безнадёжную историю: доска моя кончается, сейчас я упаду» [9]. В данной статье мы последуем за этой импликацией Сапрыкина и рассмотрим важность умирающего ребёнка на уровне текстов Янкиных произведений. Цель нашей статьи – показать, что потеря детства – один из центральных мотивов в лирике Янки Дягилевой, вносящий существенный вклад в трагизм песенных миров, которые создаёт Янка в своих песнях¹.

Сначала мы покажем – вслед за А. Мутиной [7, с. 188] –, что тема детства чрезвычайно часто встречается в Янкиных текстах. Образы и ассоциации, связанные с темой детства, создаются различными приёмами. Важной стратегией являются, во-первых, интертекстуальные ссылки на произведения детской литературы и детского фольклора [7, с. 187] – другими словами, «рециклирование» чужих фрагментов текста, происходящих, например, из детских песен, детских стихов или детских поговорок. В качестве первого примера такой цитаты процитируем третью строфу песни «Продано», которую приводит Сапрыкин в своей юбилейной статье [ср. и 8, с. 236– 237]. Строфа начинается следующими стихами (11–12):

---

¹ Благодарю М. Шеврекуко за помощь с переводом немецкого оригинала на русский язык.

Иду я по верёвочке вздыхаю на ходу
Доска моя кончается сейчас я упаду¹

Процитированные стихи являются детским стихотворением советского автора Агнии Барто, вплетённым целиком, хотя и в несколько изменённом виде, в текст песни «Продано». В оригинале стихотворение выглядит следующим образом:

Идёт бычок, качается,
Вздыхает на ходу:
– Ох, доска кончается,
Сейчас я упаду! [2]

На второй пример обращает наше внимание Мутина [7, с. 188] в своей статье о Янкиной песне «Выше ноги от земли». Песня содержит два фрагмента из детского фольклора, многократно повторяющиеся, словно лейтмотивом или припевом, на протяжении всего текста песни. Перенятым элементом является, с одной стороны, формулировка «выше ноги от земли», которая является и названием песни. Эта формула происходит из детской игры такого же названия, где её используют, когда игроки, чтобы защищаться от водящего, присаживаются или повисают на каких-то предметах и, таким образом, поднимают ноги от земли. Вторым чужим элементом, с другой стороны, является выражение «обманули дурачка», происходящее тоже из детской игры: когда игрокам удаётся отвлечь внимание водящего, так что один из игроков может переместиться, не будучи пойманным водящим, тогда игроки кричат водящему: «обманули дурака на четыре кулака».

В качестве третьего примера приведём текст песни, который из всех произведений певицы содержит самое большое количество чужих фрагментов, происходящих из детского текста: текст песни «Гори, гори ясно». Эта песня содержит в общей сложности три элемента, перенятых из детского текста и вплетённых в Янкину песню. На первый фрагмент указывает М. Тимашева [10, с. 159] в статье, опубликованной в 1992 году в рок-журнале «Рокада». Цитата является частью припева, который звучит следующим образом (стихи 5-6 и 15-18):

Дом горит – козёл не видит
Дом горит – козёл не знает
Что козлом на свет родился
За козла и отвечать

Первый стих припева является, как пишет Тимашева [10, с. 159], устойчивым выражением из области детского фольклора, которое используется в такие моменты, когда один ребёнок другому подставляет ножку. Второй процитированный фрагмент, который вызывает ассоциации с дет-

---

¹ В данной статье все тексты Янки Дягилевой цитируются по: [5].

ством, находим в 9-10 и в 19-20 стихах песни, где в обоих случаях приводится два раза формула «гори, гори ясно, чтобы не погасло». Этот короткий стих происходит из ритуалов масленичного праздника. В оригинальном контексте формула адресована соломенному человеку, который сжигается в конце праздничных дней с целью прогнать таким образом зиму. Как важный момент масленичной традиции эта формулировка обнаруживается в многочисленных песнях и стихотворениях, которые во время Масленицы поют или рассказывают русские дети. В качестве примера процитируем короткое стихотворение, стоящее в центре детской игры под названием «горелки», в которую играют на Масленицу:

Гори, гори ясно, чтобы не погасло!
Глянь на небо, птички летят,
Колокольчики звенят:
– Дин-дон, дин-дон, выбегай скорее вон! [3]

Тем же стихом, как и процитированное стихотворение (и, следовательно, той же формулировкой, которую Янка вплетает в свою песню), начинается и следующая масленичная песня, откуда мы здесь приводим, за недостатком места, только первые два стиха:

Гори, гори ясно, чтобы не погасло.
Тут и сусленики, тут и масленики! [6]

Последняя цитата из детского текста, которая обнаруживается в песне «Гори, гори ясно», находится ближе к концу песни в 22 строке. Ради синтаксической полноты процитируем не только данную, но и предшествующую строку:

Лейся, песня, на просторе, залетай в печные трубы
Рожки-ножки чёрным дымом по красавице земле.

В отличие от вышеупомянутых примеров, здесь не заимствуется полная фраза, а только короткий фрагмент, словосочетание «рожки-ножки», который во втором стихе выполняет синтаксическую функцию субъекта. Вплетённая цитата здесь является выражением, опять же происходящим из детской песни. В песне говорится о сереньком козлике, живущем у бабушки, которая его очень любит. Однажды козлик решает прогуляться по лесу. В лесной глуши стая волков нападает на него и сжирает бедного козлика. Соответственно, заключительная строфа песни звучит следующим образом:

Остались от козлика рожки да ножки
Вот как, вот как рожки да ножки [4]

Вторая стратегия, которая в Янкиных песнях служит тому, чтобы вызывать ассоциации с темой детства – частое использование диминутивов,

которые, по мнению Мутиной [7, с. 188], являются типичным элементом детского фольклора. Уменьшительными формами Янка оперирует прежде всего – а не исключительно – в тех текстах, в которых и цитируются произведения из детской литературы или детского фольклора. Настоящее скопление диминутивов обнаруживается, к примеру, в коротком стихотворении, открывающем вышеупомянутую песню «Выше ноги от земли». Здесь находим следующие строки (5–10):

Незасеянная пашенка
Недостроенная башенка
Только узенькая досточка
Только беленькая косточка
Незавязанная ленточка
Недоношенная доченька

Вслед за стихотворением и остальные строки песни содержат многочисленные уменьшительные формы: в дальнейшем течении песни Янка поставит и слова «время» (времечко, ст. 23), «дурак» (дурачок, ст. 33), «узел» (узелок, ст. 39), «сказка» (сказочка, ст. 46) и, ближе к концу песни, «солнце» (солнышко, ст. 56) в уменьшительную форму. Здесь также можно упомянуть песню «Продано», в которой говорится о «песенке» (ст. 17), «дождичке» (ст. 18) и опять же о «солнышке» (ст. 18), или песню «Полкоролевства», которая содержит такие диминутивы, как «хвостик» (ст. 7) или «лапка» (ст. 8).

При всем этом, однако, бросается в глаза, что такие ассоциации с детством или детскостью в Янкиных текстах почти всегда контрастируют с обрывками текста, которые говорят о том, как из-за принуждения и насилия детство или детскость отменяются или разрушаются. В уже упомянутой выше песне «Продано», в тексте которой цитируется стихотворение Агнии Барто, за образом шатающегося бычка – детской игрушки, которая под действием силы тяготения пошатываясь скользит вниз по наклонной доске – прямо следуют следующие строки (ст. 13-14):

Под ноги под колёса под тяжёлый молоток
Всё с молотка

Ассоциации с детскостью, невинностью и неиспорченностью, которые сопровождают строки Агнии Барто, здесь немедленно (и буквально) разбиваются тем, что они заменяются образами насильственного разрушения. При этом вдруг напрашивается новое прочтение и для предшествующих строк: описание потешно шатающегося бычка, сначала казавшееся безобидным, внезапно превращается в тревожное изображение смертельного падения. Детство и детскость кажутся идеальным состоянием, которое стирается и разбивается, безвозвратно теряется из-за того, что детское словно растаптывается.

Похожий образец встречается в песне «Выше ноги от земли». И в этом тексте ассоциации с детскостью постоянно сопровождаются об-

рывками текста, которые говорят о потере детства и детскости. Уже в 30-33 стихах невинная игра детей, вызванная при помощи интертекстуальных ссылок на ритуальные формулы из детской игры, кончается смертью:

Значит будем в игры играть
Раз-два – выше ноги от земли
Кто успел – тому помирать
Кто остался – тот и дурачок

После следующих за этими стихами обеих главных в этом тексте цитат из детского текста – «обманули дурачка» (ст. 34-35) и «выше ноги от земли» (ст. 36-37) – следует дальнейший фрагмент текста, который вызывает ассоциации с умиранием и смертью (ст. 38-42):

Самый правильный закон завязал
Изначальную главу в узелок
И до треска потянул за концы
Прорубай – не прорубай – не понять
Светопреставление

Опять изображение смерти наслаивается на изображение играющих детей, появляющееся ранее в тексте. Образ головы в петле открывает и здесь новый вариант прочтения для непосредственно предшествующего и многократно повторяемого в течение песни детского стиха, являющегося и названием песни, – «выше ноги от земли»: вместо играющих детей вдруг возникает образ повешенного, ноги которого болтаются в нескольких сантиметрах над полом. Мотив потери детства – коррумпирования и извращения детско-невинного – достигает своей кульминации в 50-52 стихах:

Только сказочка хуёвая
И конец у неё неправильный
Змей-Горыныч всех убил и съел

Конфликт детско-невинного с недетским, развращённым манифестируется в первом из процитированных стихов уже на лексическом уровне: детско-игривому диминутиву слова «сказка» противопоставляется грубое матерное слово «хуёвый». Конфликт, однако, находит своё выражение и на уровне содержания: в противоположность традиционной схеме действий, сказка – прообраз всех детских рассказов – здесь кончается не обязательной смертью подлого Змея Горыныча и, таким образом, ожидаемым хэппи-эндом, а тем, что Змей Горыныч убивает всех. Переворачивание традиционной детской сказки из рассказа о преодолении зла добром в рассказ о том, как злое чудовище убивает доброго героя, приводит и здесь к образу мира детскости, который испортился (в данном случае из-за конфронтации с насилием, смертью и коррумпированной системой ценностей) и, таким образом, необратимо разрушился.

Однако потеря детства в Янкином творчестве выражается не только тем, что – как было показано в предшествующих примерах – фрагменты текста, вызывающие ассоциации с детством и детскостью, контрастируют с фрагментами, которые говорят об уничтожении того же детства. В песне «Я стервенею», одном из очень редких текстов Янкиного творчества, имеющих чётко идентифицируемого лирического субъекта, говорится совсем эксплицитно о растерянном или украденном детстве. В 5-6 стихах упомянутый в названии песни гнев, чётко выражающийся как на текстовом, так и на перформативном уровне песни, ассоциируется с удалением от первобытного состояния детскости. Это выражено с помощью метафоры:

Некуда деваться – нам остались только сбитые коленки
Я неуклонно стервенею с каждым разом

Сбитые коленки – болезненное сопутствующее явление первых детских шагов, которые сопровождаются постоянным падением и вставанием – указывают на первобытное детское состояние, от которого лирический субъект удалился болезненным образом. Ещё эксплицитнее говорится о потере детства в 15-16 стихах, когда Янка поёт:

Здесь не кончается война,
Не начинается весна, не продолжается детство

Как и в текстах песен «Продано» и «Выше ноги от земли», на место детства и детскости здесь вступают насилие и уничтожение: в мире, который воспринимается как поле битвы, чистота и невинность (которые ассоциируются не только с ребёнком как абсолютно аутентичным и ещё нетронутым отрицательными влияниями существом, а также с весной, которая приводит с собой заново прорастающую, ещё не повреждённую погодой и климатом природу) не могут продолжать существовать. Что в таком окружении и для лирического субъекта нет возможности сохранить свою невинность, показывается в 7-8 стихах, где ребёнок со сбитыми коленками внезапно превращается в огнестрельное оружие:

Я обучаюсь быть железным
Продолжением ствола, началом у плеча приклада

Ребёнок как насильник, встречается и в других местах в Янкином творчестве. Как раз в этих текстах вездесущие в Янкиных песнях безнадёжность и отчаяние достигают своей кульминационной точки. О ребёнке как насильнике говорит, например, пятая строка песни «Рижская»:

А за дверями роют ямы для деревьев
Стреляют детки из рогатки по кошкам
А кошки плачут и кричат во всё горло

Как в предшествующем примере, ребёнок, традиционно ассоциирующийся с неиспорченностью и невинностью, здесь становится преступником; пока в песне «Я стерженю» фокусируется трансформация из ребёнка в насильника, здесь стоит в центре конкретный акт насилия. Подобный образ встречается и в тексте песни «Ангедония». Как и в предшествующем примере, жертвой, на которую направлен совершённый ребёнком акт насилия, здесь является животное – а именно животное, уступающее ребёнку (который, в сущности, сам ещё слаб и незащищен) в физической силе и, таким образом, отданное ему на произвол. В четвёртой строфе (ст. 11-12) Янка поёт:

Сатанеющий третьеклассник во взрослой пилотке со звёздочкой
Повесил щенка подрастает надёжный солдат

Поизощрённее, чем в двух предшествующих примерах, извращение детско-невинного выглядит в тексте песни «Гори, гори ясно». Для изображения апокалиптических сценариев, которые возникают в этой песне, Янка использует цитаты из детской литературы и фольклора, приведённые выше в нашей статье. В контексте песни, однако, первоначальный смысл этих фрагментов искажается: козёл из детской формулы «дом горит – козёл не видит» становится пьяницей и насильником, не видящим в своём ослеплении приближение собственной гибели; формула «гори, гори ясно, чтобы не погасло», которая в своем первоначальном контексте адресуется пылающей соломенной кукле, становится разъярённым и отчаянным заклинанием бушующего апокалипсиса; а «рожки-ножки» из 22-го стиха, остатки козлика из детской песни, превращаются в скудные остатки порочных «козлов», остающиеся после их гибели, после полного испепеления «дома», на земле. Успешно включая эти детские формулы в апокалиптически-деструктивный текст своей песни Янка, однако, обращает внимание и на брутальный характер первоначальных контекстов, из которых пришли эти формулировки: «дом горит – козёл не видит» кричит ребёнок злорадно, когда сбивает с ног своего товарища целенаправленным движением ноги; формулой «гори, гори ясно, чтобы не погасло» играющие требуют смерти казнимого; а формулировка «рожки-ножки» отсылает к трагической кульминации вышеупомянутой детской песни, которая состоит в том, что бабушкиного любимого козлика разрывают на куски. Таким образом, детское, кажущееся на первый взгляд невинным и безобидным, разоблачается и здесь как порочное и развращённое.

В тех фрагментах, которые касаются не только устранения или уничтожения, но и извращения детско-невинного, бесконечное разложение фиктивных миров, сконструированных в Янкиных текстах, находит особенно чёткое выражение. Характерная безнадежность, которая преобладает в каждой отдельной из Янкиных песен, следует не из того, что здесь слабый в конечном итоге всегда побеждается и уничтожается сильным: герой – змеем, добро –

злом. Она следует из того, что здесь больше невозможно отличить добро от зла: жертва давно стала насильником, детское и невинное – насильственным и злым. Вот в чём заключается настоящий трагизм Янкиных миров.

Литература

1. *Багичева В. В.* Концепт «жизнь» в творчестве Янки Дягилевой [Текст] / В. В. Багичева // Русская рок-поэзия: текст и контекст: Сб. науч. тр. – Екатеринбург; Тверь: Твер. гос. ун-т, 2008. – Вып. 10. – С. 138–145.

2. *Барто А.* Бычок [Электронный ресурс]: Стихотворение / А. Барто // Сайт «Антология русской поэзии». – Режим доступа: <http://www.stihi-rus.ru/1/Barto/5.htm> (дата обращения: 30.11.2016).

3. Горелки [Электронный ресурс]: Руководство по игре // Сайт «Твой ребёнок». – Режим доступа: http://www.tvoyrebenok.ru/igry_maslenica.shtml (дата обращения: 30.11.2016).

4. Козлик [Электронный ресурс]: Текст песни // Сайт «Pojelanie.Ru». – Режим доступа: <http://www.pojelanie.ru/zastol/pesni/dp/12.php> (дата обращения: 02.12.2016).

5. *Летов Е., Дягилева Я., Рябинов К.* Русское поле экспериментов [Текст] / Е. Летов, Я. Дягилева, К. Рябинов – М.: ТОО «Дюна», 1994. – 300 с.

6. Масленица [Электронный ресурс]: Текст песни // Сайт «Azfor.Narod.Ru». – Режим доступа: <http://azfor.narod.ru/detki/maslenic.htm> (дата обращения: 30.11.2016).

7. *Мутина А. С.* «Выше ноги от земли» или ближе к себе (О некоторых особенностях фольклоризма в творчестве Янки Дягилевой) [Текст] / А. С. Мутина // Русская рок-поэзия: текст и контекст: Сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2000. – Вып. 4. – С. 187–191.

8. *Мюллер М. К.* Принцип монтажа в песенной лирике Янки Дягилевой [Текст] / М. К. Мюллер // Русская рок-поэзия: текст и контекст: Сб. науч. тр. – Екатеринбург; Тверь: Твер. гос. ун-т, 2014. – Вып. 15. – С. 227–238.

9. *Сапрыкин Ю.* Через заснеженные комнаты и дым. Юрий Сапрыкин о Янке Дягилевой [Электронный ресурс]: Электронная статья // Медуза: Независимое общественно-политическое сетевое издание. – Режим доступа: <https://meduza.io/feature/2016/05/09/cherez-zasnezhennye-komnaty-i-dym> (дата обращения: 23.11.2016).

10. *Тимашева М.* «Нам остались только сбитые коленки», или «Здесь не кончается война, не начинается весна, не продолжается детство» [Текст] / М. Тимашева // Рокада – М.: Внешторгиздат, 1992. Цитируется по: Борисова Е., Соколов Я. Янка. Сборник материалов / Е. Борисова, Я. Соколов – СПб: Издательство «Облик», 2001. – С. 156–159.

11. *Усманов Д.* Яна Станиславовна Дягилева (1966–1991) [Текст] / Д. Усманов // Энциклопедия для детей – место публикации неизвестно, 1999. Цитируется по: Борисова Е., Соколов Я. Янка. Сборник материалов / Е. Борисова, Я. Соколов – СПб: Издательство «Облик», 2001. – С. 233–234.